

МОТИВ ПРЕВРАЩЕНИЯ ДЕТЕЙ В ЛЕБЕДЕЙ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В «СЮЖЕТЕ О РОЖДЕНИИ РЫЦАРЯ С ЛЕБЕДЕМ»

В статье рассматривается часть сюжета о Рыцаре с лебедем, посвященная его рождению. Сюжет эпических поэм основывается на сюжете не дошедшей до нас фольклорной сказки, в которой присутствовал мотив превращения детей в лебедей. Мы приходим к выводу, что в сказке это превращение происходило в результате колдовства свекрови, тогда как в литературных текстах – в результате отнятия у детей цепочек, что влечет за собой появление мотива чудесного рождения детей с цепочками на шее. Эта трансформация связана с изменением функции чудесного и стремлением авторов представить описываемые в поэмах события как доказательство божественного происхождения Рыцаря с лебедем, фигурирующего в них в качестве предка Готфрида Бульонского.

Ключевые слова: средневековая литература, фольклор, история сюжета, мотив, история Рыцаря с Лебедем.

В средневековой литературе существовал достаточно большой корпус текстов различных жанров (эпические жести, литературная сказка, хроники, рыцарские романы), объединенных рассказом о рождении, странствиях и подвигах героя, именуемого «Рыцарь с лебедем», а также Элиас, Лоэрангрин, Лоэнгрин, Лоренгель. Первыми известными нам источниками являются французские «шансон-де-жест», вошедшие в состав обширного эпоса о Первом крестовом походе. Рыцарь с лебедем фигурирует в них в качестве предка Готфрида Бульонского, предводителя похода, впоследствии ставшего королем Иерусалима.

В сюжете о Рыцаре с лебедем отчетливо выделяются три блока. В первом из них рассказывается о рождении Рыцаря с лебедем, во втором – о прибытии Рыцаря с лебедем ко двору германского им-

ператора, спасении герцогини от захватчика ее земель и женитьбе на ней, в третьем – о смерти Рыцаря с лебедем.

В качестве одного из возможных первоисточников сюжета первого из блоков, который мы условно будем называть «сюжетом о рождении Рыцаря с лебедем», исследователи называют ирландскую сказку о детях Лира¹, входившую в цикл о детях Миля. Ее сюжетная схема и основные мотивы в соотношении с понятием «функции», примененным В.Я. Проппом к сюжету волшебной сказки, выглядят следующим образом:

Лир женится, у него рождаются одна дочь и трое сыновей. Жена Лира умирает, Лир женится на ее сестре (начальная ситуация).

Мачеха не любит детей и решает их погубить (вредительство – 8).

Мачеха превращает детей в лебедей и определяет срок и условие их превращения в людей (недостача – 8-а).

Лир узнает правду, мачеху наказывают. По прошествии срока и выполнении условия лебеди превращаются в людей (ликвидация недостачи – 19).

Мотив превращения детей в лебедей позволяет сопоставить эту сказку с «сюжетом о рождении Рыцаря с лебедем». Самые ранние жесты о рождении Рыцаря с лебедем сложены в XII в. на территории Льежа или Фландрии². На материале этих поэм в XIV в. складывается более поздняя «Песнь о Рыцаре с лебедем и Готфриде Бульонском» (*La Chanson du Chevalier au Cygne et du Godefroi de Bouillon*), которая также содержит рассказ о рождении героя³. Кроме того, этот сюжет вошел в историю, включенную Иоанном Альтаильванским (*Jean de Haute-Seille, Johannes de Alta Silva*) в сборник сказок и историй «Долопатос»⁴.

Исследователи сходятся во мнении, что в основе «сюжета о рождении Рыцаря с лебедем» лежит сюжет о детях-лебедях, который бытовал на европейской территории в фольклорном виде, прежде чем вошел во французские поэмы. Действительно, если выделить во всех версиях сюжета общие мотивы, то получившаяся сюжетная схема может быть легко соотнесена со схемой сюжета волшебной сказки по Проппу:

Король женится на женщине из иного мира, свекровь не любит невестку (начальная ситуация).

Свекровь крадет детей невестки (вредительство – 8).

У детей отнимают цепочки и они становятся лебедями (недостача – 8-а).

Один из детей, не превратившийся в лебедя, отправляется ко двору короля (начинающееся противодействие – 10).

Лебедям возвращают цепочки и они становятся людьми (кроме одного) (ликвидация недостачи – 19).

Как видно, мотив превращения детей в лебедей является общим для сюжета сказки о детях Лиры и «сюжета о рождении Рыцаря с лебедем», но его реализация имеет существенные различия. В сюжете о детях Лиры причиной превращения является колдовство мачехи, тогда как в «сюжете о рождении Рыцаря с лебедем» дети рождаются с золотыми или серебряными⁵ цепочками на шее, при снятии которых они превращаются в лебедей, и свекровь только приказывает снять эти цепочки.

Есть и другое отличие: в сказке о детях Лиры вредителем является мачеха по отношению к детям, а в сюжете о рождении Рыцаря с лебедем – свекровь по отношению к невестке. Желание погубить детей является только следствием: дети дважды обрекаются на смерть из-за желания свекрови скрыть зло, причиненное невестке. Так в «сюжете о рождении Рыцаря с лебедем» появляется мотив кражи детей, отсутствующий в сказке о детях Лиры.

Тем самым можно заметить, что непосредственное заимствование сюжета о детях Лиры целиком авторами первых поэм исключается, но заимствование отдельного мотива, а именно – мотива превращения детей в лебедей, вполне вероятно. При этом следует признать, что сюжет о рождении Рыцаря с лебедем в основе своей имеет сказочную форму и, вероятнее всего, представляет собой литературную переработку не дошедшего до нас фольклорного сюжета, известного в то время на территории Франции, где были сложены первые поэмы. Этот сюжет мог сложиться под влиянием других фольклорных сюжетов.

Прежде всего, нас интересует вопрос, в каком виде в первоначальном сюжете⁶ присутствовал мотив превращения детей в лебедей, поскольку если он и был заимствован из кельтского фольклора, то претерпел серьезную трансформацию. Попробуем выяснить, насколько логично для сказочного сюжета наличие волшебных цепочек на шеях новорожденных детей.

В сказке волшебный предмет чаще всего является показателем принадлежности героя «иному» миру. «Иная» природа детей должна соотноситься с природой их матери, на «инаковость» которой есть и другие указания: король впервые встречает ее в лесу, их встреча происходит недалеко от реки или ручья, символизирующих границу между мирами, к месту встречи его приводит олень. В ска-

зочной истории из «Долопатоса» эта героиня даже названа нимфой (*nymphe* в латинском варианте) или феей (*fée* в старофранцузском варианте). Король встречает ее купающейся в источнике и забирает золотую цепочку, в которой заключена ее волшебная сила:

La chaaigne estoit sans doute
Sa vertu et sa force toute;
N'ot pas pooir de soi desfandre⁷.

Цепочка является предметом, указывающим на сакральную природу девы, которой она лишается при отнятии этого предмета. Если рассматривать эти два мира с точки зрения оппозиции «свой – чужой», то «чужим» оказывается именно мир девы, встреченной королем, будущей королевы. В то же время из текста видно, что мир этот чудесен, но не враждебен: неоднократно говорится о благородном и добросердечном поведении королевы, которое противопоставлено поведению свекрови. Такое распределение для сказки нехарактерно: «чужим», как правило, является мир вредителя, и лес, в который часто попадают гонимые дети, представляется населенным родственными ей демонами⁸. Неоднозначность природы королевы, которая потенциально могла иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию, в истории из «Долопатоса» влечет за собой и другие мотивы, отсутствующие в поэмах: это наказание королевы, которую держат в заточении и кормят собачьей едой, функция девочки, приносящей ей еду, которую замечает король и понимает, что она его дочь⁹.

Об избыточности функции девочки в сказочной истории из «Долопатоса» говорит Клод Лекуте в своем исследовании сюжета о Рыцаре с лебедем¹⁰. Исследователь считает нелогичным, что девочка, постоянно принося еду своей матери, остается неузнанной, несмотря на то что носит золотую цепочку на шее. При этом в тексте специально уточняется, что на шее девочки надета точно такая же цепочка, как у ее братьев. Волшебный предмет мог бы стать средством идентификации персонажа, но этого не случается. Иоанн Альтасильванский сохраняет сказочный мотив, но ему неважно его семантика. Уточним только, что мать, не знавшая об обмане свекрови, не видела своих детей после их рождения и не знала о золотых цепочках, хотя могла идентифицировать предмет, аналогичный предмету, некогда принадлежавшему ей. Исследователь считает это доказательством древности сюжета, но с другой стороны, это может служить доказательством литературности сюжета, когда автор вводит новый мотив без учета этих деталей. О наруше-

нии логики сказочного сюжета как доказательстве литературности сюжета говорит, в частности, В.Я. Пропп¹¹.

К. Лекуте обращает внимание еще на одну странность: если дева при отнятии цепочки утрачивает свою волшебную природу, то с детьми происходит обратная трансформация – их человеческая природа сменяется чудесной. Исследователь считает, что логика сказки в этом сюжете не соблюдена: если цепочки происходят из сказочного королевства феи, то их функция должна быть одинаковой. Мы склонны объяснить это тем, что цепочка в руках нимфы – позднейшее добавление автора «Долопатоса» с целью подчеркнуть ее чудесную природу по аналогии с теми цепочками, которые окажутся на шее ее новорожденных детей, и этот мотив, скорее всего, отсутствовал в первоначальной версии сказки.

Превращение в животное или предмет, происходящее при снятии волшебного предмета, для фольклора также нехарактерно; обычно такой предмет использует вредитель, чтобы совершить колдовство. Например, в сказке «Шесть лебедей» братьев Гримм девочка должна связать для братьев волшебные рубашки, но их превращение в лебедей происходит также с помощью волшебных рубашек, которые надевает на них мачеха, чтобы наложить колдовство.

Четкая мотивировка снятия с детей цепочек присутствует только в поздней «Песни о Рыцаре с лебедем и Готфриде Бульонском»: мать короля Матабрюна требует принести их как доказательство того, что дети убиты. В более ранних версиях «сюжета о рождении Рыцаря с лебедем» свекровь приказывает только снять с них цепочки, но не убить их. При этом свекровь не является колдуньей, и превращение детей в лебедей происходит не под действием чар, а, напротив, как доказательство их чудесной природы, не являющейся враждебной по отношению к миру «своего».

Итак, в нашем сюжете все сводится к нарушениям в двух элементах сюжета: «чужой» природе жены короля и функции волшебных цепочек. На наш взгляд, причиной обоих нарушений является христианское влияние на этот сюжет: Рыцарь с лебедем должен стать прародителем не просто знатного рода, а рода, непосредственно связанного с Первым крестовым походом и завоеванием христианских святынь. Поэмы о рождении Рыцаря с лебедем должны были продемонстрировать не просто его волшебную, но божественную природу. Поэтому у авторов возникла необходимость особой трактовки чудесного: волшебное стало божественным и распространилось на других персонажей. Поэтому превращение детей в лебедей стало следствием не волшебства свекрови, а божественной природы их матери, и трактуется как христианское чудо.

По мнению Жака Ле Гоффа, именно в XII–XIII вв. подавление чудесного сменяется его вхождением в ученую культуру, и Церковь, начавшая проявлять к нему большую терпимость, почувствовала, как выразился ученый, возможность «прибрать его к рукам»¹². В то время мир чудесного разделился на три сферы, каждой из которой соответствует три определения: *mirabilis*, *magicus* и *miraculosus*. Собственно христианское сверхъестественное определялось как *miraculosus* (чудотворное), словом *magicus* обозначалось все связанное с магией и происходило от Дьявола, *mirabilis* имело более нейтральный оттенок, но постепенно оттеснялось в область суеверия.

Ле Гофф не говорит о Рыцаре с лебедем, но зато упоминает сюжет о Мелюзине, в котором находит проявление двух функций чудесного. С одной стороны, оно становится инструментом политики и власти, поскольку к мифической женщине, являвшейся аватарой богини плодородия, пытались возвести свой род Лузиньяны. С другой стороны, сюжеты такого рода создавали некую альтернативу религии, поскольку представляли собой мостик между животным и человеком, что противоречило тезису средневекового христианства о создании человека по образу и подобию Божьему¹³. И богатейшим источником знаний о чудесном является, в частности, волшебная сказка.

Метаморфоза, трансформация, превращающая человека в животное, как пишет Ле Гофф, всегда является чем-то греховным. Однако в сюжете о Рыцаре с лебедем мы, напротив, сталкиваемся с событиями, долженствующими в восприятии аудитории стать доказательством Божественного промысла. Поэтому превращение детей в лебедей обставлено как христианское чудо, и неудивительно, что испанская «Книга о Рыцаре с лебедем» еще больше конкретизирует божественное участие: при рождении детей с небес спускается ангел и надевает на шею каждому цепочку.

В ранних поэмах о рождении Рыцаря с лебедем все чудесные события обозначаются как *merveille*, что соответствует *mirabilis*. К примеру, после рождения детей служанка передает матери короля, что произошло чудо:

Une merveille avint que je vos voel noncier:
Quant Deu plot que la dame peut son fais descargier,
VII. en a on trovés, as enfans manoir¹⁴.

Вполне возможно, что в сказке дева действительно могла принадлежать волшебному миру, и получение ее в жены могло сопровождаться испытаниями, но это волшебство было никак не связано

с колдовством свекрови. Возможно, именно оно не было редуцировано, и под влиянием саг о девах-сидах или саг о валькириях вводится мотив отнятия волшебного предмета, но волшебное кольцо (или волшебный пояс) стало цепочкой по аналогии с теми цепочками, которые появятся на шее ее детей. Нет ничего удивительного, что немецкий переводчик «Долопатоса» узнает этот мотив и называет деву *wünschelwybere*, то есть применяет к ней северогерманское обозначение мифологических дев-валькирий, принимавших лебединый облик (например, в «Песни о Вёлунде»)¹⁵.

В отличие от сочинителей поэм, автору «Долопатоса» не требовалось доказывать божественную природу девицы, и он сохранил присутствие волшебства. Про цепочки на шеях детей сказано, что они были даны природой:

Cil.VII. enfant trop bel estoient
Une chaaigne d'or avoient
Chascuns antor son col fermée,
Que nature li ot donée¹⁶.

В поэме «Песнь о Рыцаре с лебедем и Готфриде Бульонском» природа девушки, встреченной королем в лесу, не так однозначна – она одновременно принадлежит миру природы и наделена характеристиками высокородной дамы. Однако божественная природа детей, отмеченная серебряными цепочками на шее, не подвергается сомнению ни одним из персонажей и служит причиной того, почему слуга свекрови, несмотря на ее приказ, оставил их живыми, а чудесная трансформация становится доказательством их божественного происхождения для охотника Савари, получившего повторный приказ убить детей.

Чудесному рождению детей удивляется и Матабрюна, и тем страшнее выглядит ее преступление. Если в более ранних версиях сюжета кража детей мотивирована подозрением невестки в адюльтере, то в «Песни» свекровь решает погубить детей только ради того, чтобы погубить невестку, и оправдания ее поступку нет. Когда правда выясняется, она осуждена на казнь, и эпизод ее бегства создает возможность дополнительного подвига Элиаса. Кроме того, Матабрюна пытается представить природу своей невестки как колдовскую, обвинив ее в магических способностях. Нелогичность, связанная с возможным знанием свекрови о трансформации детей при снятии цепочек, в этой поэме снимается: Матабрюна приказывает убить детей и не знает, что дети превратятся в лебедей, а снятие цепочек охотником Савари мотивировано попыткой обмануть

Матабрюну. В этой поэме наряду с обозначением чуда как *merveille* появляется и обозначение *miracle*. Так, золотых дел мастер, которому Матабрюна приказала переплавить цепочки, понял, что они чудесного происхождения, потому что одна из них дала столько серебра, что его хватило на два кубка:

Et dist au noble roy: «Chy vous fais ung présent
De ches kaines ichy, car je vous ay couvent
Que de miracles sont...»¹⁷

Итак, мы делаем вывод, что в первоначальном фольклорном сюжете о детях-лебедях, который лег в основу поэм о рождении Рыцаря с лебедем, присутствовал мотив превращения детей в лебедей, и это превращение происходило в результате колдовства свекрови. В литературных текстах появляется необходимость сакрализации природы детей и их матери, в результате чего он трансформируется в мотив отнятия у детей цепочек, что влечет за собой появление мотива чудесного рождения детей с цепочками на шее. Эта трансформация связана с изменением функции чудесного и стремлением авторов представить описываемые в поэмах события как присутствие божественного промысла и доказательство божественного происхождения Рыцаря с лебедем, фигурирующего в них в качестве предка Готфрида Бульонского. Автор сказочной истории, который не имел такой цели, представляет природу королевы как волшебную и для этой цели привлекает другие известные ему фольклорные мотивы.

Примечания

- ¹ Лир – в мифологии ирландских кельтов бог моря, один из богов племени туатов. Его первая жена Аобх умерла, оставив ему троих сыновей и дочь. Вторая жена Аоифе ревновала мужа к его детям и на девятьсот лет превратила их в лебедей, поставив условие, что они примут человеческий облик тогда, когда мужчина с Севера женится на женщине с Юга.
- ² Среди версий французской поэмы о рождении Рыцаря с лебедем условно выделяются две ветви – «Элиокса» и «Беатриса» – в соответствии с именем матери героя. Согласно гипотезе Г. Париса, существовала еще одна не дошедшая до нас французская версия – «Изомберта», реконструируемая по испанской «Книге о Рыцаре с лебедем». См.: La naissance du Chevalier au Cygne 1977: Elíoxe, ed. Emanuel J. Mickel. Beatrix, ed. by Jan A. Nelson, Tuscaloosa et London, University of Alabama Press (The Old French Crusade Cycle. Vol. 1).

- ³ Le Chevalier au cygne et Godefroid de Bouillon 1846–1859: éd. Baron de Reiffenberg, Bruxelles (Monuments pour servir à l'histoire des provinces de Namur, de Hainaut et de Luxembourg. Deuxième division, légendes historico-poétiques, 4, 5 et 6). Т. 5.
- ⁴ «Долопатос» представляет собой латинскую переработку «Книги о семи мудрецах» («*Historia septem sapientum*»), созданную на рубеже XII и XIII вв. и переведенную на старофранцузский язык Гербертом Парижским («*Herbert de Paris*») в 1223 г.
- ⁵ Во всех версиях, кроме «Песни о Рыцаре с лебедем и Готфриде Бульонском», дети рождаются с золотыми цепочками, в «Песни» – с серебряными.
- ⁶ Под «первоначальным сюжетом» мы будем условно понимать возможный инвариант данного сюжета.
- ⁷ «В цепочке заключались, без сомнения, вся ее добродетель и сила; она не могла защищаться».
- ⁸ Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001. С. 31. Именно так происходит в сказке «Шесть лебедей».
- ⁹ Во всех версиях «сюжета о рождении Рыцаря с лебедем» один из детей сохраняет человеческий облик и выполняет функцию «спасителя». В «Долопатосе» это девочка, через которую король узнает правду.
- ¹⁰ *Lecouteux C.* Melusine et le Chevalier au Cygne. P., 1982. P. 112.
- ¹¹ См.: *Пропн В.Я.* Поэтика фольклора (Собрание трудов В.Я. Пропна). М.: Лабиринт, 1998.
- ¹² *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 45.
- ¹³ Там же. С. 49.
- ¹⁴ «Произошло чудо, о котором я вам хочу сообщить: Богу было угодно, что дама смогла все вынести, она родила семерых детей».
- ¹⁵ *Lecouteux C.* Op. cit. S. 112.
- ¹⁶ «Эти семеро детей были необычайно красивы, у каждого на шее была золотая цепочка, которые дала им природа».
- ¹⁷ «И говорит (золотых дел мастер) благородному королю: “Вот эти цепочки, и я открою вам, что они чудесного происхождения...”».